

Sarah Rayner

One Moment, One Morning

Понедельник

7 ч. 58 мин.

Лу притворяется спящей, но краем глаза подсматривает, как женщина напротив наносит макияж. Ее всегда это завораживает — смотреть, как другие женщины «делают» себе лицо в поезде. Сама Лу никогда не красится — разве что в редких или особых случаях, — и хотя понимает, что так можно сэкономить время, ей кажется нелепым выносить этот процесс на публику, в общественный транспорт, а не прихорашиваться в уединении. Когда маскируешь дефекты кожи, делаешь ресницы пушистее, глаза больше, а щеки румянее в окружении людей, это уничтожает таинство. А в семь сорок четыре, когда поезд отправляется в Викторию¹, людей вокруг полно; по боль-

¹ Железнодорожный вокзал в Лондоне. (Прим. ред.)

шей части они спят или, по крайней мере, дремлют, некоторые читают, а кто-то, их меньшинство, разговаривает.

Женщина на соседнем сиденье, через проход от Лу, одна из таких. У Лу тихонько играет айпод, и она не слышит, что женщина говорит, но по наклону головы ясно, что женщина разговаривает с мужчиной справа от себя. Лу пододвигается и чуть сдвигает капюшон своей парки, мокрый от дождя — ведь пришлось ехать до станции на велосипеде под моросящим дождем. Ей хочется получше разглядеть эту пару. Это муж и жена. На их пальцах обручальные кольца, в руках — бумажные стаканчики с кофе. Женщине, наверное, лет сорок. Лу не видит ее полностью, но, кажется, у нее тип лица из тех, что Лу нравятся. Интересный, привлекательный профиль, хотя и с легким намеком на второй подбородок, а каштановые волосы ниспадают плотным занавесом. Насколько Лу может рассмотреть ее мужа, он выглядит не так хорошо — тяжеловесного сложения, седеющий, — и Лу решает, что он лет на десять, а то и больше старше жены, но лицо у него доброе. В выражении лица видна мягкость, а глубокие морщины вокруг рта говорят, что он любит посмеяться. Женщина нежно прислонилась к его плечу. Перед ним толстая книга в бумажном переплете, последний бестселлер, но он не читает — он гладит жену по руке, тихо, ласково. Лу даже ощутила зависть. Она завидует их нежности и тому, как они, не задумываясь, проявляют ее.

Поезд останавливается в Берджесс-Хилле. За окном льет, и усталые пассажиры, заходя в вагон, отряхивают и складывают зонтики. Их поторапливает короткий свисток, и, когда раздвижные двери закрываются, Лу снова переводит взгляд на женщину напротив. Она закончила наводить тени, придав глазам больше выразительности — теперь все ее лицо как будто приобрело отчетливость, резкость. Только губы остались бледными, словно лишенными жизни. Лу кажется, что без макияжа она выглядела не хуже — как-то милее, беззащитнее. Впрочем, как ни посмотри, она хорошенькая. А ее волосы, копна светлых спиралевидных завитков, — в них столько энергии, они такие упругие, так отличаются от ее, Лу, волос — коротких, торчащих, мышинового цвета. А вот до волос этой женщины хочется дотронуться.

Лу наблюдает, как молодая женщина переключает внимание на свои губы. И вдруг замирает — «лук купидона» лишь наполовину зарозовел, как у недоделанной фарфоровой куклы. Следуя за ее взглядом, Лу смотрит на супружескую пару — мужчину внезапно стошнило, и причем самым неловким образом. По всему его пиджаку, рубашке, галстуку течет пузырящаяся молочная слизь с кусочками полупереваренного круассана, как у маленького ребенка.

Лу украдкой вынимает наушник.

— О господи! — говорит женщина, лихорадочно вытирая блевотину слишком маленькой салфеткой, которую дают вместе с кофе.

Но безуспешно: с детским булькающим звуком мужчину снова рвет. На этот раз на запястье жены. Рвота забрызгивает ее шифоновую блузку и — о ужас! — занавес ее волос.

— Не знаю... — говорит он, разевая рот, и Лу видит, что он вспотел, обильно, отвратительно, как-то совсем ненормально. — Прости...

Лу кажется, что она знает, в чем дело — теперь мужчина схватился за грудь и сидит, выпрямившись, как будто аршин проглотил, и вдруг — *бух!* — он со стуком падает лицом на столик. И замирает. Совершенно замирает. Несколько секунд — или так кажется — никто ничего не делает. Лу просто смотрит на его разлитый кофе, как бежевая струйка бежит вдоль края окна, по боковой стороне кремового пластикового столика и — кап-кап-кап — на пол. За окном по-прежнему проносятся мокрые деревья и поля.

А потом поднимается шум.

— Саймон! Саймон! — вскакивая, кричит его жена.

Саймон не реагирует.

Супруга трясет его, и Лу мельком замечает его лицо с открытым ртом и измазанной блевотиной щекой, прежде чем он откидывается назад, мотая головой. И тут она понимает, что видела его раньше в этом поезде.

— Боже! — говорит недовольный пассажир напротив, помахивая своей газетой. — Что с ним за чертовщина? Напился, что ли? — Он фыркает с явным осуждением.

Его неодобрение словно гальванизирует Лу.

— Черт! У него сердечный приступ! — Она вскакивает, торопливо вспоминая стародавние курсы по оказанию первой помощи, детские лагеря и эпизоды из сериала «Скорая помощь»¹. — Кто-нибудь, позовите кондуктора!

Другой мужчина, молодой, неряшливый, с козлиной бородкой, сидевший рядом с женщиной, на носившей макияж, бросает свой пластиковый пакет и встает.

— Где проводник? — спрашивает он у Лу, как будто та все знает.

— В середине состава! — кричит жена.

Молодой человек в растерянности озирается.

— Туда, — говорит Лу, указывая в сторону головного вагона, и он убегает.

* * *

В третьем вагоне Анна с удовольствием читает свой любимый глянцевоый журнал. Целые две остановки она была поглощена главной статьей номера о поп-принцессе, находящейся на излечении от алкогольной зависимости, а теперь дошла до раздела «Разыскиваются», где высмотрела пиджачок, который бы очень ей подошел, из сетевого магазина, новое

¹ «Скорая помощь» — американский телесериал, первая серия которого была показана в 1994 г. В главных ролях — Энтони Эдвардс, Джордж Клуни, Шерри Стрингфилд и др. (Прим. ред.)

поступление к весне, по вполне разумной цене. Она только загнула страницу, чтобы не забыть еще раз посмотреть вещичку, и в этот момент ее локоть задевает молодой человек с козлиной бородкой: он несется куда-то вперед.

— Большое спасибо, — саркастически бормочет она. Ох уж эти брайтонские хиппи!

Через несколько секунд он торопливо возвращается, за ним по пятам следует кондуктор. Она переосмысливает ситуацию — оба выглядят встревоженными.

Похоже, что-то стряслось.

Потом из репродуктора слышится голос машиниста:

— Есть среди пассажиров доктор или медсестра? Если есть, пожалуйста, подойдите к кондуктору в пятом вагоне.

«Откуда пассажирам знать, где этот пятый вагон?» — думает Анна.

Но люди, очевидно, знают — не проходит и десяти секунд, как мимо нее почти бегом промчались две женщины с сумками в руках. Анна удивленно поднимает брови, глядя на пассажиров напротив. Такой испуг — редкость на этом утреннем поезде, где существует негласное правило не шуметь и вести себя деликатно. И это немного тревожит.

Вскоре поезд подъезжает к Уивелсфилду. «Почему мы здесь остановились? — беспокоится Анна. — Обычно мы проезжаем мимо, не снижая скорости».

Она надеется, что это просто сигнал семафора, но подозревает, что случилось что-нибудь более зловещее. Через пять минут ее беспокойство возрастает, и в этом она не одинока: все люди рядом нетерпеливо ожидают отправления, беспокойно ерзая на сиденьях. Анне нужно, чтобы поезд прибыл вовремя, иначе она опоздает на работу. Она работает внештатно, и, хотя у нее долгосрочный контракт, работодатели очень педантичны в отношении учета времени. У них просто железная дисциплина, и все знают, что начальник с сердитым видом стоит у входа, поджидая опоздавших.

Слышится, как кто-то подул в микрофон, а затем следует еще одно объявление:

— Мне очень жаль, но один из пассажиров серьезно заболел. Мы простоим еще несколько минут в ожидании «Скорой помощи».

Сердце у нее упало, и она подумала: почему же заболевшего не вынесли из поезда, чтобы дожидаться «Скорой помощи» на перроне? Но тут же бранит себя за бессердечие: один взгляд на хлещущий за окном дождь дает ответ. Сейчас февраль, холодно.

Происшествие отвлекло ее от чтения, и она смотрит в окно: дождь колотит по серой платформе, и там, где поверхность неровная, собирается в лужи. «Уивелсфилд, — думает Анна, — где это, черт возьми?» Она никогда не бывала в этом месте, только проезжала мимо на поезде.

Десять минут превратились в пятнадцать, потом в двадцать; новых сообщений не поступало. Пассажи-

ры уже набирают на своих мобильниках сообщения или звонят куда-то; большинство говорят очень тихо. Некоторые, менее сочувственные, громко выражают свое бессердечное негодование:

— Не пойму, в чем дело. Ну, кому-то стало плохо — наверное, чертову наркоману...

Но другие, похоже, рады возможности показать собственную значительность:

— Мне очень жаль, Джейн, я здесь застрял, опоздаю на совещание. Пусть перенесут, хорошо, пока я не приеду? — и тому подобное.

Потом, наконец, Анна видит, как мимо окна спешат три фигуры в ярких куртках и с носилками. Слава богу, теперь уже недолго.

Она не отрывает глаз от платформы, ожидая, что вот-вот обратно торопливо понесут носилки с притянутым ремнями телом, но видит только лишь унылую бетонную стену, а дождь все льет, заполняя водой канавки на желтом предупреждении: «Осторожно, край платформы!»¹

Наконец слышатся стук, какой-то шум и новое объявление:

— Леди и джентльмены, я снова прошу прощения: похоже, мы останемся здесь на неопределенное

¹ Чтобы понять, о каких канавках идет речь, можно посмотреть иллюстрацию такого предупреждения на английской станции здесь: <http://www.georgefwhite.co.uk/phpmedia/news/lrg/ba3dbd66ba183de599109658ffa8f528.jpg>. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

время. Мы не в состоянии вынести пассажира. Если можно, прошу набраться терпения. Как только будут какие-то известия, мы вам сразу сообщим.

Раздается коллективный вздох, все шевелится.

«Какая досада!» — думает Анна, прежде чем успевает подавить эту мысль, и на смену приходит не такая бессердечная: «Как странно!» Она определенно не купилась на предположение о наркомане — боже правый, брайтонские наркоманы не ездят на утренних поездах. Несомненно, кому-то в самом деле стало плохо. И все же ее беспокоит ситуация на работе, у нее сегодня полно дел. Ее мысли — смесь собственных интересов и альтруизма — похоже, совпадают с настроением сидящих напротив пассажиров — на их лицах явно читаются недовольство, раздражение и озабоченность.

— Почему они не могут ехать? — наконец говорит мужчина напротив, нарушив табу не разговаривать в поезде с незнакомыми.

Он высокий, в очках, с бритой головой и безукоризненно накрахмаленным воротничком — как с картинки Нормана Роквелла¹.

— Может быть, кто-то получил травму позвоночника, — говорит пассажирка рядом с ним, полная пожилая женщина. То, как она слегка отодвигается от него, произнося эти слова, говорит о том, что

¹ Норман Роквелл (*англ.* Norman Rockwell) — американский художник, известный изображениями американского быта.

ей хочется дистанцироваться от этого бессердечного типа. — Им шею нельзя трогать.

Мужчина кивает:

— Может быть, так оно и есть.

Анна не совсем уверена в этом.

— Однако несколько странно: как можно в поезде получить травму позвоночника?

— Может быть, кто-то умер.

Обернувшись, Анна видит рядом молодую девушку: прямые черные волосы, пирсинг на лице. Готка.

— О, ради бога, нет! — озабоченно восклицает пожилая женщина. — Конечно, никто не умер?!

— Все может быть, — соглашается «Норман Роквелл». — Может, именно поэтому мы и торчим здесь. Им нужно вызвать полицию.

— Засвидетельствовать смерть, — говорит готка.

И вдруг глянецвый журнал уже не кажется Анне по-прежнему интересным. Обычно, когда она читает его, то получает еженедельную дозу развлечения, моды, стиля и сплетен; она знает, что журнал несерьезный и довольно пустой, но считает, что в этом нет ничего страшного, ведь он все-таки затрагивает и более широкие темы. И тут, как будто подтверждая ее мысли, она видит именно такую статью: фотография молодой афганской женщины с обезображенным ожогами телом.

Анна вздрагивает от ужаса.

Лу видит, как пассажиры наклоняют головы, когда двое санитаров поднимают носилки над сиденьями, и это ей кажется чуть ли не смешным. Носилки неудобные, даже с удаленными колесиками и поперечиной они больше, чем любой чемодан, и все происходящее кажется нереальным, как в кино, или, точнее, это напоминает эпизод из телевизионного сериала. Только телевизор можно выключить, а тут приходится смотреть — как можно не смотреть, когда все происходит в нескольких дюймах от тебя?

Последние десять минут две молодые женщины — очевидно, медсестры, ехавшие на работу в Хейвардс-Хитскую больницу, — пытались привести мужчину в сознание, все больше теряя надежду на успех. Они проверили, дышит ли он, пощупали пульс на шее, а потом с помощью кондуктора положили его на пол, в горизонтальное положение. Все это происходило прямо у ног Лу, она не успела отойти в сторону и потому, стиснутая, оказалась вынуждена смотреть на разворачивающийся перед ней кошмар. Медсестры работали поочередно — одна нажимала, нажимала, нажимала ладонями ему на грудь такими размеренными и напористыми движениями, что они казались яростными, а другая вдвухала воздух ему в рот через каждые три десятка нажатий. Когда та женщина, которая нажимала на грудь, уставала, они менялись местами.